

ОН НЕНАВИДЕЛ ВОЙНУ

памяти Василя Быкова

Военный писатель. Это едва ли не единственное звание в русской советской литературе, вызывавшее и вызывающее уважение.

Военная проза предполагала определенный уровень честности и правды. Правды не только о войне, чего добивалась лейтенантская проза, — но о человеке и мире. Военная тематика как будто разрешала то, что было невозможно в прозе о мирной жизни. Собственно говоря,

в этом Василь Быков сам признавался в своих интервью последних лет, подчеркивая, что ненавидит войну. Война, пережитая как опыт, как явленное, видимое зло, в художественном тексте оказывалась средством и способом свободного высказывания, начинала восприниматься не только как конкретная обстановка, исторические достоверные реалии действительности.

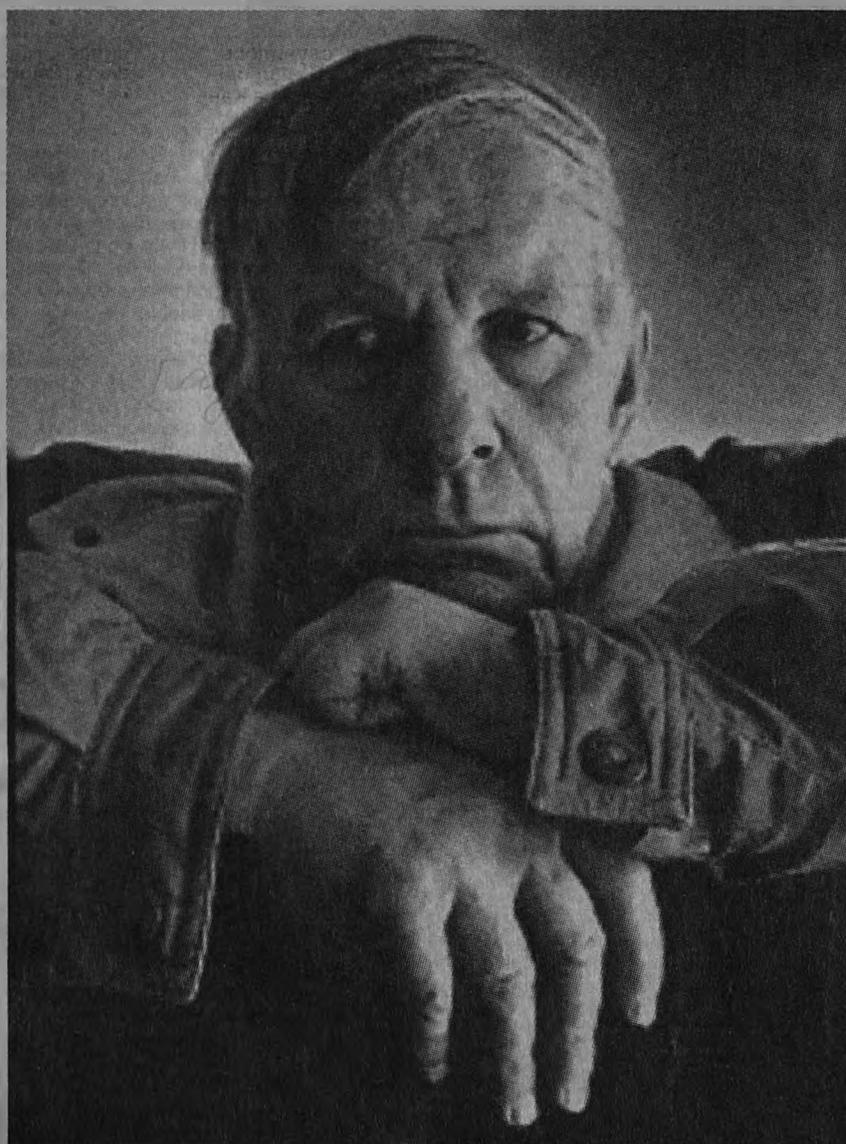
Окончание на странице 03

Газета - 2003 - 24 июня - с. 3, 5

ОН НЕНАВИДЕЛ ВОЙНУ

памяти Василя Быкова

Окончание.
Начало на странице 01

В конце концов, Быков писал о своей земле, о людях, которые его окружали, которые продолжали жить после войны, об испытании временем и обстоятельствами, о том, как трудно оставаться человеком в нечеловеческих условиях. Быков обращался к войне из-за невозможности писать на другие темы. «Я переключился на военную тему. Во все не потому, что меня так увлекала война или армия, я как раз всю жизнь ее ненавидел — и ту, и другую. Но я и видел там возможность, так сказать, некоторой реализации некоторых моих идей, в том числе, и главным образом, идей отрицающих», — говорил он в интервью радио «Свобода». Это «отрицающее» поле, его энергетика, чувствовалось и в «Мертвым не больно», и в «Сотникова», и в «Знаке беды», и в «Волчьей стае», и в других повестях. Отрицание рождалось из острого ощущения боли. Поэтому Быков так внимательно относился ко всякому живому человеческому голосу, к фактам реального переживания. Поэтому так горячо поддерживал и курировал документальную прозу — и о войне, и о Чернобыле — Светланы Алексеевич. Поэтому и его собственная «чернобыльская» проза («Волчья яма») по тональности и стилю созвучна военным повестям. И по этим же причинам он не мог спокойно и тем более равнодушно и молчаливо смотреть на происходящее в Белоруссии. Он предпочитал говорить — и жил за границей (в Финляндии, а затем в Чехии) не только из-за больных легких и плохого здоровья. Он писал и давал интервью, высказывал свои «отрицающие идеи». В то время как в Белоруссии его книги выходили тиражом восемьсот экземпляров. И не было при этом в Быкове ни озлобленности, ни самлюбивого ропота, ни даже горестного сетования на то, что писательское слово «упало в цене» и более не действенно. Он просто, по собственным его словам, делал то, что считал должным, но именно это ясное осознание «должного» его и отличало от других.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ